

Невыполнение контракта с творческой личностью – как за это наказывал С.Т. Рихтер. «Как-то в Париже Святослав Теофилович предупредил, что он не хотел бы, чтобы во время концерта его фотографировали из зала со вспышкой, это его отвлекает. Но когда он вышел на сцену, в момент поклона увидел по пояс торчавшего из оркестровой ямы фотографа, который готовился его снимать. Рихтер, поклонившись, приблизился к нему, опустил на корточки и шёпотом сказал: «Вы знаете, я просил, чтобы фотографа не было». Он был очень тактичным человеком и невероятно боялся обидеть кого-либо, что не исключало твёрдости - его позиция была принципиальна, хотя и шла вразрез с общепринятым мнением. Фотограф же, молодой парень, ответил, что он получил разрешение дирекции, поэтому, мол, всё в порядке. - Да нет, не в дирекции дело, - продолжил Рихтер, - это я просил, чтобы не было фотографов, я лично, поэтому прошу Вас уйти. - Нет, нет, у меня разрешение дирекции, это моя работа, я останусь. - Ну, в таком случае уйду я. Фотограф ничего не ответил, была пауза, после чего Рихтер развернулся и ушёл со сцены. Далее я прямо вижу, как это произошло. Он снял с вешалки свой плащ, вышел на Елисейские поля... Моросил дождик, он прошёл несколько сотен метров, и тут его догнала мадам - это была его многолетняя представительница в Париже, упала на колени прямо в лужу и сказала: «Слава, ты меня убиваешь! Сейчас будет скандал! Зал ждёт! Я тебя умоляю, прости! Я понимаю, что случилось!» - И что, вы вернулись? - спросил я. На что он мне ответил: - Юра, но это же женщина! Причём, представляете, на коленях, прямо в луже. Да, я вернулся. Но сказал, что сделаю это при одном условии: если она выйдет на сцену и расскажет, что произошло, потому что опять все будут говорить, что Рихтер сумасшедший или всё время придумывает какие-то фокусы. Я же просил, чтобы не было фотографов, его и не должно было быть. В результате он вернулся, дама вышла на сцену, объяснила ситуацию, публика стала свистеть, бросать в неё чем-то - как же так, вы обидели такого артиста! После этого начался концерт. Рихтер отыграл, а потом, уже в артистической, услышал шум и крик в коридоре, выглянул и увидел, что бьют этого фотографа. Ну, и тут уж - тоже типичный Рихтер - заступился за него. Это нам кажется, что он чудак, а на самом деле Рихтер был очень последовательный и принципиальный человек.

Или, например, Рихтер одиннадцать лет не выступал в «Ла Скала». Когда-то у него был здесь очень удачный концерт. Он сам это говорил, а так он говорил редко, и если утверждал, что это был удачный концерт, то, по шкале Рихтера, это стопроцентно. Итак, Святослав Теофилович был очень доволен тем концертом и играл много «бисов»: раз люди так аплодируют и так просят, а у него такой подъём и всё получается, он счастлив сегодня и может сразу дать ещё один концерт... И вот когда он пошел играть пятый или восьмой «бис», то вдруг увидел, как рабочий сцены, открывая занавес, выразительно посмотрел на часы. (Не заметить этого рабочего было трудно, у него была яркая красивая форма - чёрного цвета и на груди мощные цепи). Рабочий, конечно, ничего не сказал, но и так было ясно - мол, сколько же можно играть, домой пора! Рихтер развернулся, ушёл и одиннадцать лет не выходил на эту сцену». **Башмет Ю.А., Вокзал мечты, М., «Вагриус», 2003 г., с. 99-101.**

